

Мальчик бежит с невидимой нитью в руках, уходящей вверх —
там, в небе, словно воздушный змей, размером превосходящий
окружающий массив домов, парят его безумные мечты о будущем.

Тумас Транстрёмер
«Открытые и закрытые пространства»

Петля находилась глубоко под землей. Это был огромный круговой ускоритель частиц и исследовательский институт экспериментальной физики, который раскинулся вокруг северной оконечности озера Меларен — от Хиллшега на востоке почти до самого Харьяра на севере; он тянулся на запад через Бьоркфьярден и вокруг западной стороны острова Адельсе, прошивал воду под останками древних цивилизаций на Бьорке. Присутствие Петли ощущалось повсюду на Меларене. Наши родители работали там. Служебные машины «Риксэнерджи» патрулировали дороги и небеса. Странные аппараты блуждали в лесу, на полях и лугах. Те силы, что царили под землей, посылали вверх, сквозь глубоко залегающую каменную породу, сквозь жесткие слои известняка, сквозь фасады из этернита прямо в наши гостиные, урчащие вибрации.

Пейзаж наполнился машинами и кусками металла, которые так или иначе имели связь с институтом. На горизонте незыблемо высились огромные охлаждающие башни радиоактивного реактора в Боне с их зелеными предупреждающими огнями. Если прижать ухо к земле, можно было услышать сердцебиение Петли — урчание Гравитрона, главного элемента инженерной магии, фокуса всех экспериментов в Петле. Институт был самым большим в мире среди подобных, и поговаривали, его мощь так велика, что способна исказить пространственно-временной континуум.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ПРОЕКТА ПЕТЛИ

Революционный потенциал радиоактивных технологий стал очевидным в конце Второй мировой войны. Было ясно, что крупные исследования в области фундаментальной физики приведут к прорыву мирового масштаба в военной и гражданской промышленности. В СССР, казалось бы, случайное открытие магнетронного эффекта стало толчком к созданию удивительных магнитных кораблей, которые навсегда изменили транспортную индустрию. Эти события восприняли как знак, что дальнейшие разработки окупят себя сполна; в Швеции инициировали запуск целого ряда экспериментальных исследовательских программ по ядерной физике. В эти ранние годы в начале 1950-х первооткрывательский дух был особенно силен, и государство приняло решение создать национализированный ускоритель частиц. Скоро стало понятно, что он станет самым большим и мощным ускорителем в мире — даже мощнее того, что построили в Неваде несколькими годами ранее.

Проект назвали Исследовательский Институт физики высоких энергий, но в народе его звали институт Меларен, а чаще просто Петля.

Строительство начали в 1961 году и закончили через восемь лет. Его взяло на себя только что созданное «Риксэнердживеркет» — Национальное агентство энергетики, которое состояло примерно из двадцати исследовательских групп общей численностью в сто двадцать девять ученых и аспирантов. Если брать во внимание обслуживающий персонал, штат впоследствии насчитывал несколько тысяч человек. Петля была запущена в эксплуатацию в 1969-м, а первый эксперимент провели в июле 1970-го. Мощности конструкции постепенно увеличивались, и Петля оставалась крупнейшим ускорителем вплоть до 1994-го, когда ее эксплуатация была завершена.

Иллюстрации к этой книге вдохновлены моим поколением — поколением детей Меларена и местом, в котором мы выросли. Что касается самого института, его конструкций и технологий, я попытался изобразить их в деталях. Я создал эти рисунки, основываясь на огромном количестве собственных заметок и фотографий, а также на документах от подрядчиков и поставщиков. Я перелопатил все документы и отчеты о Петле, которые «Риксэнерджи» выложило в от-

крытый доступ. Целью моей работы ни в коем случае не было объективно и подробно показать расцвет и падение Петли, скорее мне хотелось дать личный, субъективный, а иногда и попросту развлекательный взгляд на то, как проект и «Риксэнерджи» влияли на людей и жизнь вокруг, каково было расти в этой среде. Иногда я даже покидаю Меларен, чтобы описать другие места и вещи, которые показались мне важными и соответствующими духу книги.

Истории, рассказанные здесь, основаны на моих собственных воспоминаниях и воспоминаниях других людей — особенно моего школьного товарища Олы, который обладает эйдетической памятью, а потому смог вспомнить все наши школьные байки в мельчайших деталях. Я невероятно благодарен ему за помощь в написании этой книги.

Саймон Столенхаг, Кунгсберга, весна 2014 года

КАРКАС КОРАБЛЯ В БАСТЛАНЬО

Величественный каркас корабля «Анцилус» было видно из Свартс-йоландет, если выйти на северозападную оконечность Гохольмена. Он возвышался над горизонтом далеко-далеко, на другой стороне Бьоркфьярдена. Издалека, сквозь голубое марево над водой, он выглядел как Южноамериканское плато — горизонтальный прямоугольник над верхушками деревьев на островах. Это место было вечной целью наших гипотетических экспедиций в зимнее время, когда вода на озере замерзала, но я не помню, чтобы мы хоть раз решились отправиться туда.

«Анцилус» построили в доках Уимана в Сундсвалле в начале 1960-х. Он был одним из магнетронных кораблей с единственной турбиной. «Анцилус» должен был перевозить руду по Тундровому пути, но его купил «Риксэнерджи», когда проект Петли взяли в работу. Между 1962 и 1968 годами он переправил огромное количество земли и камня в Прастфьярден, где была построена группа искусственных островов, названных Маларкрансен. После того как корабль сломался рядом с Альхолменом в 1969-м, «Анцилус» сняли с эксплуатации и отбуксирован на верфи Бастанье. Затяжной судебный процесс задержал его модернизацию и, когда верфи Уимана обанкротились в разгар Уральского кризиса, дело оказалось в подвешенном состоянии, пока «Риксэнерджи» под давлением со стороны местных жителей и агентства по охране окружающей среды не разобрало корабль весной 1995 года.

ОСЬ В СТАВСБОРГЕ

Однажды на перемене Олуфу подбили глаз. Он захотел сбежать из школы, и я отправился с ним. Мы пробежали через поля и спрятались в роще, чтобы нас не увидели учителя.

Олуф всегда жаждал приключений и не прекращал играть. Когда мы добрались до Ставсборга, уже темнело. Странный кусок железа торчал из земли в поле, и мы побежали к нему. Конечно, Олуфу захотелось на него взобраться, но я устал и замерз. Я стоял и смотрел, как Олуф держит оборону на куске железа, защищаясь от толп учителей-киборгов. Через какое-то время между нами начался спор: я хотел пойти к Олуфу домой смотреть кино, но он отказывался. Вместо этого мой друг предложил построить иглу и переночевать прямо в поле. Каким-то образом перепалка переросла в драку — теперь я уже не вспомню, что послужило причиной, но помню, как мы катались по снегу, осыпая друг друга ударами, хватая за волосы и щипаясь. Позже, уставшие и побитые, мы уселись в снегу; я помог Олуфу вытащить что-то из глаза, тогда он рассказал, что у его отца депрессия. В конечном итоге мы пошли ко мне домой и там играли в «Соника», в тот раз я показал Олуфу коды для перехода на новые уровни.

БОНСКИЙ РЕАКТОР И ОССИАН

Три охладительные башни в Боне были постоянной частью меларенского пейзажа. Они поднимались далеко из полей Северного Мунсе, что в небольшом муниципалитете Боны. Главной функцией башен было погашение жара от Гравитрона, сердца Петли, который снабжал сооружение огромными объемами энергии. Средняя башня насчитывала впечатляющие двести пятьдесят три метра в высоту, башни были характерным ориентиром, заметным из любой точки Меларена.

Сигнал звучал каждый день в шесть часов вечера. Он начинался как глубокая вибрация где-то под землей и кульминировал тремя гулкими взрывными звуками, будто из охотничьего рога. Сигнал предварял ежедневный перезапуск пятнадцати огромных влагоулавливающих клапанов. Со временем Сигнал стал частью повседневной жизни семей, живущих в Боне, — что-то вроде церковных колоколов в старые времена. Когда звучал Сигнал, всякий знал, что самое время отправляться домой к ужину.

Я близко услышал Сигнал в августе 1991-го. Это был один из тех опытов, что не повторяются. Мальчик из Боны по имени Оссиан выманил меня из молодежного центра, обещая поиграть с его макетом для краш-тестов, но все кончилось слезами. Наша недолгая дружба развалилась у Оссиана дома. Он забрал себе все лучшие игрушки, и я подвергся остракизму, как только вернулся его брат Оливер. Когда прозвучал Сигнал, их мать внизу готовила ужин. Пол завибрировал, и я испугался. Оссиан и Оливер с видом знатоков сообщили мне, что Сигнал обозначает непоправимый перегрев Гравитрона, и затолкали меня в шкаф, сказав, что лучше оставаться там на случай, если Землю засосет Черная дыра. После этого они стремглав бросились на кухню и съели весь кровяной пудинг.

Я ощутил облегчение с привкусом стыда, когда за мной приехал отец. По пути домой, в Свартсйоландет, он заверил меня, что Землю не засосет Черная дыра. Несмотря на это, тревога моя росла, и я еще много недель задерживал дыхание в ожидании конца света — особенно во время ужина.

Simon Stalenhag 2012